

Глава 31. Непривычно

Пышный, как облако, хвост не удержался и пару раз качнулся из стороны в сторону. Перекатившись по кровати, пушистый комочек застучал лапками, подполз к руке Фу Линцзюня и стал её трогать. Кончик хвоста мягко мазнул по его пальцам.

— И-у-у.

Ну чего ты? Только проснулся, а уже с такой кислой физиономией. Повеселей давай.

После того лекарственного цветка из нефритовой шкатулки тело и душа Цзян Тана чувствовали себя удивительно хорошо. Будто внутри него что-то пустило корни и понемногу стало качать в него бесконечную силу.

Раньше ему всё время казалось, что тело ноет. Потом боли вроде бы ушли, но время от времени он всё равно чувствовал слабость и даже подозревал, не остались ли у него последствия «почечного истощения» после душевного сближения. После этой ночи даже это ощущение исчезло. Всё тело стало тёплым, уютным. Ему даже показалось, что он слегка подрос.

И это было не иллюзией.

Пушистый шарик, прежде умещавшийся на ладони, и правда стал чуть больше. Шерсть сделалась ещё гуще и мягче, хвост, которым он беспрерывно махал, был прекрасен на ощупь, а с этими неприлично милыми ушами вся его морда стала не просто очаровательной, а прямо-таки убийственно красивой. Если бы он мог тискать самого себя, то, наверное, затискал бы до лысины.

В тот миг, когда мягкий хвост зверька коснулся его руки, Фу Линцзюнь против воли вспомнил лицо, которое увидел утром, и ту тонкую белую голень, скрытую среди светлых странных волос.

Казалось, во сне он и правда обнимал того человека.

От плеч до спины, от талии и ниже... Всё было мягким, гладким, тёплым.

Пальцы, которых коснулся пушистый хвост, мгновенно наполнились мягким электрическим онемением.

Фу Линцзюнь резко отдернул руку. Обнимать пушистый комок он тоже не стал, а только с холодным лицом отступил на шаг.

— И-у-у.

Ты чего? Почему не снимешь меня вниз? Кровать слишком высокая, я не спрыгну.

Обычно Цзян Тан всё время сидел у Фу Линцзюня на руках, и тот таскал его с собой куда угодно, так что собственный маленький размер не доставлял ему никаких неудобств. Но теперь, стоя у края постели и глядя вниз, он вдруг почувствовал почти головокружение. Для человека высота была смешной, а для него — вполне внушительной.

Он прекрасно знал, что не разобьётся. Пушистый комок просто шлёпнется и пару раз перекатится. Но зад всё равно будет болеть. Он не хотел так. Он хотел, чтобы его сняли руками.

— И-у-у, — избалованный пушистый комочек жалобно заныл ещё сильнее.

Фу Линцзюнь долго смотрел на него с мрачным лицом, потом всё-таки подцепил за шкурку.

Так Цзян Тан и был вынесен из комнаты. Дверь открылась, и за порогом обнаружился Сян Син, который уже давно стоял там и ждал.

— Хозяин. Сяо Бай. Есть, — сказал здоровяк. Пока произносил первое слово, смотрел ещё на Фу Линцзюня, но стоило прозвучать «Сяо Бай», как глаза сами собой перебежали на блестящий, ухоженный пушистый комочек.

У-у. Сяо Бай стал ещё милее.

Сердце у здоровяка аж дрогнуло. Он так и рвался протянуть руки, и в этот раз заговорил заметно быстрее, даже с явным нетерпением:

— Хозяин. Сяо Бай. Есть.

А в следующий миг пушистый комок просто перелетел ему в руки.

Сян Син в панике поймал зверька, потом осторожно подкинул на ладони, взвешивая. Тот и правда стал чуть тяжелее, но при этом ещё мягче.

Фу Линцзюнь посмотрел на похорошевшего пушистого комочка, небрежно вернул ему облик маленькой белой собачки и с холодным лицом спросил:

— Что он будет есть?

Сян Син моргнул.

Поглаживая в руках Сяо Бая своей большой грубой ладонью, он неуклюже ответил:

— Сяо Бай. Мясо.

— И-у-у, — Цзян Тан потёрся о его руку, подтверждая, что это именно то, что надо.

Фу Линцзюнь какое-то время помолчал, достал из жемчужины Нахай духовные камни, отдал их Сян Сину и, ничего больше не сказав, ушёл.

Цзян Тан: ???

Это ещё что значит? Не пойдёт с ними? После одной ночи он уже больше не самая любимая собачка большого господина?

У этого человека точно с головой что-то не так. Ещё вчера он покупал ему мясо, уговаривал съесть цветок, а сегодня ходит с чёрной физиономией и ни с кем не разговаривает. Настроение у него меняется чуть ли не как июньская погода. То солнце, то дождь.

Но нравится это Цзян Тану или нет, привыкать всё равно придётся. Большой господин, что с него взять. У могущественных людей характер бывает непростым. А он всё ещё живёт за его счёт. Значит, остаётся только поджать хвост и сидеть тихо.

— Сяо Бай. Мясо, — воодушевлённый Сян Син вынес на руках своего любимого Сяо Бая из трактира и с надеждой спросил: — Что хочет есть?

— И-у-у.

Ту самую лавку, где мы уже ели. Ту, откуда мясом пахнет ещё издалека.

Председатель общества любителей тискать маленьких зверьков без труда уловил его мысль. Пусть он и был туповат, но из-за того, что часто выходил из долины Тяньбэй по делам хозяина, то есть убивать людей, с дорогами у него всё было прекрасно. Так что один человек и одна собака довольно быстро нашли ту самую оживлённую мясную лавку.

День едва успел начаться, а трудолюбивый хозяин уже снова увидел своих уважаемых клиентов.

— О, даосы, это снова вы, — обрадовался торговец, неплохо заработавший на Фу Линцзюне, и тут же оглянулся по сторонам. — А ваш... друг где?

Сян Син больше всего на свете не любил разговаривать с посторонними. Но если уж его о чём-

то спрашивали, молчать казалось невежливым. Он неловко потоптался на месте, крепче прижимая к себе белую собачку, и всё-таки выдавил:

— Хозяин. Не ест.

Услышав слово «хозяин», торговец сразу понял, о ком речь. В тот раз одетый в черное юноша одним взглядом отправил в полёт даоса Цуя из секты Фэнъинь. Значит, за неприметным лицом скрывалось имя, которое он наверняка уже когда-то слышал. Пусть сам важный гость сегодня и не пришёл, но его подчинённый с питомцем пришли. Значит, и принимать их надо как следует.

— Даос, садитесь сюда. Один будете или двое?

Сян Син поставил белую собачку на стол и, подражая тому, как говорил хозяин, очень уверенно ответил:

— Один.

Хозяин лавки к этому времени уже стал человеком бывалым и не дрогнул. Он указал на деревянные таблички с блюдами.

— Что сегодня будете?

— И-у-у!

Жареную Ледоглазую Змею и быстро обжаренные кусочки Серебrolунного Кролика!

Вернувшись тогда домой, Цзян Тан долго ломал голову, что же за мясо он ел и что ему так понравилось. Пovyкидывал одно, другое и пришёл к выводу, что это наверняка были те дорогие куски демонического мяса, которые торговец потом докупал специально. В прошлый раз большой господин-транжира заказал целый стол блюд и не дал ему всё доесть. Так что теперь он решил взять только два любимых блюда.

Названия этих блюд и для председателя общества любителей тискать зверьков были задачей не из лёгких.

В итоге после целой палочки благовоний, потраченной на общение жестами и звуками, человек и собака всё-таки согласовали заказ.

— Как удачно. У меня как раз всё приготовлено, — хозяин, который после недавнего заработка на Фу Линцзюне наконец купил себе мешочек Цянькунь и теперь уже не таскал всё на спине, быстро достал оттуда небольшие туши демонических зверей и принялся за дело. Вскоре в

воздухе поплыл густой мясной аромат.

На этот раз заказали всего два блюда, так что подали их быстро. Цзян Тан не выдержал и тут же вцепился в мясо зубами, но оно оказалось слишком горячим, так что он жалобно пискнул.

— Сяо Бай. Подожди, — Сян Син стал обмахивать блюда своей ладонью, широкой, как веер. Лишь когда еда чуть остыла, он подвинул тарелки к нему. — Сяо Бай. Ешь.

С утра пораньше Цзян Тан наконец-то добрался до мяса, о котором так мечтал.

И снова его инстинкт гурмана не подвёл. В прошлый раз, хоть на стол и поставили три-четыре десятка блюд, именно то мясо с плотной текстурой и сочным соком он ещё тогда заподозрил либо в змее, либо в кролике. И точно. Даже без сложных приправ жареная Ледоглазая Змея оказалась такой вкусной, что впору проглотить язык.

Сян Син, наконец-то получивший возможность спокойно смотреть чужой «мукбанг», был просто счастлив. Он не мигая смотрел, как Сяо Бай один кусочек за другим доедает всё мясо с двух тарелок, и испытывал такое удовлетворение, будто сам тоже наелся.

Когда Цзян Тан прикончил вкуснейшее демоническое мясо и сыто икнул, он дал понять здоровяку, что пора расплачиваться и уходить.

Но Сян Син никогда сам не платил. Он не знал, насколько крупный камень ему выдал Фу Линцзюнь и сколько вообще стоят эти два блюда, а потому просто решил повторить за хозяином. Достал один духовный камень и уже было собрался уйти.

Но пушистая лапа прижала этот камень к столу.

— И-у-у.

Слишком много дал.

Умный и хозяйственный Цзян Тан уже давно научился различать деньги культиваторов. В чайной Фу Линцзюнь оставлял средний духовный камень. Значит, всё, что меньше, — низшие камни. Всё, что больше, — высшие. В «Дао в заточении» курс был такой: один высший равен десяти средним, а один средний равен тысяче низших.

Этот камень был даже больше того, который Фу-расточитель бросил на чайные деньги. А эти два блюда вместе стоили всего пятьдесят низших духовных камней. Значит, нужно было дать средний и забрать сдачу.

Так что хозяйственная маленькая собачка нырнула к Сян Сину за пазуху, вытащила оттуда

средний духовный камень и сунула торговцу. Вид у неё при этом был самый решительный: без сдачи она отсюда не уйдёт.

Торговец, который уже успел помечтать, что снова сорвёт крупный куш, молча отсчитал сдачу.

Цзян Тан был вполне доволен. Сегодня они хотя бы не выставили себя дураками. Он радостно растянулся в ладони Сян Сина. Хм. Кажется, в последнее время он и правда слишком много ел. Даже будто потолстел.

Маленькая белая собачка украдкой посмотрела на свой всё более округлый животик и потыкала его лапой.

И правда, растолстел. Раньше пузо было куда меньше. Сейчас тронешь, а оно круглое, мягкое, упругое и очень приятное на ощупь.

Хотя человеческого облика у него ещё не было, пухнувший Сяо Бай уже начал страдать заранее.

Кто знает, вдруг в этом мире правило такое: чем толще первоначальный облик, тем толще и человеческий? Если так, то всё. Красивый юноша из душевного мира отдаляется от него всё дальше. Его ждёт круглый пухлый мальчишка.

Только что наевшийся Сяо Бай уже начал строить планы похудения. Но стоило им пройти мимо соседнего лотка с духовными плодами, как у него потекли печальные слюнки. Впрочем, пока он ещё зверёк, разве немного пухлости — это не мило? Есть. А худеть потом.

В толпе спешащих по делам культиваторов появился совершенно неуместный персонаж.

Крупный, свирепый с виду мужчина шёл с круглой милой белой собачкой на плече. В руках у него не было ни меча, ни артефакта. Зато были целые охапки еды. Всевозможные духовные фрукты, сахарные фигурки, цукаты, пирожные и даже миска нежного доухуа, которую он бережно нёс обеими руками.

Культиваторы вокруг, завидев Сян Сина издали, поспешили разойтись в стороны, чтобы, не дай бог, не столкнуться и не рассыпать его покупки по всей земле.

Один человек и одна собака вернулись в трактир. Сян Син хотел сразу отнести Цзян Тана к Фу Линцзюню, но того нигде не было видно.

— И-у-у.

Может, он в комнате?

Сян Син и сам так думал, но входить не смел.

— И-и-у-у.

Поставь меня на пол. Я сам.

И его осторожно опустили на землю. Без приказа хозяина Сян Син не имел права приближаться, поэтому послушно отошёл на несколько шагов назад.

Маленькая собачка высунула в комнату только пушистую голову.

Фу Линцзюнь закрыл окно и не зажёл свет. Внутри было темно. Цзян Тан несколько раз всматривался и едва-едва сумел различить, где сидит чёрноволосая фигура в чёрной одежде.

Лишь мерцающее зеркало воды помогло ему найти большого господина.

Тот сидел к нему спиной и смотрел на водное зеркало. Вся фигура тонула в темноте. Выглядело это до неприличия подозрительно, прямо как в сериале, когда перед злодейским делом камера внезапно переключается на антагониста.

Цзян Тан тоже вытянул шею и заглянул. Теперь он и сам числился в лагере злодеев, так что хотя бы должен был знать, как дальше двигается сюжет. Картинка в зеркале воды оказалась на удивление чёткой, почти как видео в телефоне. Разве что слишком маленькой, так что лица было трудно рассмотреть.

Ему показалось, что он увидел там Сун Яня и девушку в розовом.

Стоило вспомнить, как страшно умер Сун Янь, и у Цзян Тана снова слегка ёкнуло внутри. Хотя и тут было на что подивиться. В оригинале упоминалось, что Фу Линцзюнь умеет использовать мёртвых, но как именно, не объяснялось. Он и представить не мог, что Фу Линцзюнь может сначала убить человека, а потом «оживить» его и заставить работать на себя. Сун Янь в зеркале двигался так естественно, что кто бы догадался, будто на самом деле он уже мёртв?

Раз уж в зеркале был Сун Янь, значит, большой господин наверняка следил за тем, как продвигается его задание: приблизиться к младшим, связанным с теми даосскими святыми, которые когда-то участвовали в запечатывании Фу Линцзюня.

Насколько помнил Цзян Тан, тогда Фу Линцзюня вместе запечатывали пятеро. Выдающихся младших рядом с ними, кажется, тоже было не так уж много.

Во-первых, их старые знакомые Цзян Чаньюань и Янь Цунси. Связанный с ними младший уже появлялся. Это как раз тот самый беспутный молодой господин Е Чжэнвэнь из области Фуфэн,

богатый, глуповатый и вспыльчивый.

Во-вторых, даосский святой Шэн Жолинь из Синло. Связанная с ним младшая — героиня Шэн Итюэ, которая всем сердцем влюблена в главного героя, Сун Цзиньяо.

О двух оставшихся книга почти не рассказывала, так что Цзян Тан их не помнил. Но позже с главным героем вроде бы сближался ещё один человек по имени Хуай Чэнъинь. Кажется, он тоже был потомком одного из этих даосских святых. Скорее всего, он тоже в списке.

На слух кажется, будто даосских святых в этом мире очень много. Но если посчитать как следует, их всего-то несколько.

Мастер Дао за сто лет, бессмертный Дао за тысячу, святой Дао за десять тысяч. Эти древние ископаемые и были теми самыми столпами мира, что пережили круговорот времён. Остальные давно умерли. А ещё двоих Фу Линцзюнь вообще перескочил по ступеням и убил сам.

Тогда он был всего лишь на ступени бессмертного, но умудрился в окружении обменять тяжёлые раны на жизни двух даосских святых. Безумно силён.

В этом мире Цзян Тан больше не страдал близорукостью и кое-как мог различать картинку в маленьком зеркале воды. Девушка там наверняка была очень красивой. Пусть черт лица отсюда и не разобрать, но это была та самая красота, которую чувствуешь даже по силуэту. Из всех младших рядом с пятью даосскими святыми только Шэн Итюэ была девушкой. Значит, Сун Янь сейчас, скорее всего, и правда сближался именно с ней.

У-у-у, так хотелось разглядеть, насколько же она красива.

Маленькая собачка вцепилась в дверной косяк и не смела подходить ближе. Только туманно смотрела в зеркало воды и наострила уши, чтобы подслушивать. И тут, едва она разобрала слова «утёс Жисы», её за шкуру внезапно подняли в воздух.

Это был Фу Линцзюнь.

Лицо у него всё ещё было мрачным, будто это Цзян Тан задолжал ему денег.

— Не подходи, — он поставил Цзян Тана в сторону и уже собирался уйти, но тут сапог обнял пушистый комочек.

Зверёк жалобно потёрся о него, втянул своим розовым носиком воздух и тихонько пискнул:

— И-у-у.

Фу Линцзюнь меньше всего на свете умел выдерживать именно такой его вид.

Ничего не подозревающий зверёк ещё не знал, что может превращаться в человека. А вот Фу Линцзюнь, проспавший всю ночь в объятиях его человеческого облика, сейчас весь был как не свой.

Он не перестал любить его.

Просто пока не успел к этому привыкнуть.

Примечание автора:

Фу Линцзюнь: влюблённость плохо влияет на скорость, с которой я выхватываю меч. Это любовь, от этого взгляда уже не спрятаться.

<http://bllate.org/book/17032/1604287>